

Т.Д. Скрынникова

ПРИДВОРНЫЕ ЧИНЫ МОНГОЛЬСКОГО УЛУСА ЧИНГИС-ХАНА

Сразу после первой интронизации Чингис-хана¹ (после инцидента с Чжамухой и конфликта с тайджиутами) избравшие его ханом приняли на себя обязательства служить ему [Козин 1941: 108] и одновременно часть из них получила от него должности. Цитируемый ниже текст воспринимался большей частью исследователей как создание административного аппарата и рождение Монгольского государства.

«По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжедай и До-холху-черби. Онгур же, Суюкету-черби и Хадаан-Дулдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами... Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур... Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. ...Бельгугею и Харалдай-Тохурауну было повелено: “Пусть эти двое примут мерингов, пусть будут конюшими-актачинами”. Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: “Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими ‘дальними стрелами-хоорцах да ближними-одора!’”. ... § 125. взоидя на ханский престол, так сказал Чингис-хан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме: “...Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися”» [Там же: 109–111].

Военный характер сформировавшейся полиэтничной политики, границы которой маркировались перечислением участвовавших в интронизации Чингис-хана лидеров, подчеркивается словами Чингис-хана со ссылкой на членство пришедших к нему сторонников в дружине: «И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!» [Там же: 109–111]. При этом термин *дружина* (*nököt* [Rachewiltz 1972: 53]) выступает как обобщающее обозначение служилых людей, видевших свои основные функции

в завоевании добычи, когда они «кормились» сами и «кормили» хана, добывая богатство в войнах с «чужими». Но, кроме военной функции, как мы видим, дружинники, назначенные каждый на свое место, выполняли и другие обязанности. Если мы внимательно посмотрим на процитированное выше распределение обязанностей Чингис-ханом между своими сподвижниками-нукерами, то увидим, что уже в 1189 г. значительная часть его дружинников получила свои должности при первой интронизации. Подчеркивая ведущую роль военной функции дружины, Чингис-хан выделяет из сподвижников Боорчу и Чжелме — способных военачальников, назначая их старшими над всеми. Мечниками под командой Хасара были назначены Хубилай, Чилгутаи и Харгай-Тохураун. Можно предположить, что уже тогда оформились военные лидеры крыльев: правого и левого.

Но кроме этого Чингис-ханом были назначены люди из числа нукеров на разные должности. Здесь следует сделать одно важное для понимания социальной структуры замечание. Увеличение размеров коалиции под эгидой Чингис-хана вело соответственно к росту числа приближенных, постоянно сопровождавших его, то есть ханской ставки. Естественно, можно говорить об образовании двора. К тому же наряду с юртами на телегах (*ger terge*) впервые отмечается и появление понятие «дворца» — юрты, выполнявшей эту функцию (монг. *ordo ger* [Rachewiltz 1972: 51]), которые отбираются у неприятеля. Необходимо было содержать и охранять двор и главную юрту-дворец, что потребовало распределения обязанностей, то есть создания номенклатуры придворных чинов. Для обозначения придворных чинов использовались известные и распространенные в регионе термины.

Оставим пока без комментариев значение титула *черби*, его упоминания в данном случае контекстом не определяется. И. де Рахевилц переводит его как *chamberlain* (управляющий двором, камергер) и предполагает, что основной функцией *черби* было наблюдение за штатом хана [Rachewiltz 2004: 445]. Пока мы только видим, что лица, маркируемые этим термином, выполняют разные функции. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что Оголай-черби, Чжэтай и Дохолху-черби уже тогда были назначены *хорчинами*, поскольку им было поручено носить колчан (*qor aqsaba*

[Rachewiltz, 1972: 52]): лучниками, согласно С.А. Козину, или колчаносцами (*quiverbearer*), согласно И. де Рахевилцу. Если иметь в виду, что этой интронизацией маркировалось формирование новой политики достаточно большого размера и соответственно двора, то речь может идти о назначении придворных чинов. В этом контексте представляется логичным принять обозначение этой должности как колчаносец, два из которых были черби. Третий черби (Сюйкету-черби) получил чин *баурчина*, то есть ответственного за распределение напитков. Тогда же *баурчинами* (кравчими, по С.А. Козину; стольниками, по Рашид-ад-дину; *stewards*, по И. де Рахевилцу) назначаются также Онгур и Хадаан-Далдурхан. Интересно, что вышеприведенный текст не содержит полной номенклатуры лиц, получивших чины. Мы узнаем еще об одном баурчи — Шикиуре, история которого позволяет узнать об их функциях². Ссылка баурчи Шикиула на то, что избивание его определяется смертью Есугея и его старшего брата Некун-тайчжи, позволяет предположить, что он имел этот титул еще при дворе Есугея. Функция баурчи — соблюдать придворный этикет коллективных трапез, которые имели не только профанный, но и сакральный смысл. Если следовать логике традиционной культуры, то можно сказать, что к этому периоду Чингис-хан уже был лидером значительного объединения, поскольку порядок раздачи чаш был не традиционный (сначала старшему лидеру клана), а харизматический (сначала военному вождю): первым получал чашу Чингис-хан и представители его семьи, затем — Сача-беки и его семья (кыят-юркин)³, хотя последние принадлежат к роду, старше рода Чингис-хана в коническом клане, то есть данным обрядом закреплялись новые границы сообщества.

За коней отвечали как конюшие (актачины) Бельгутаи и Харалдай, так и табунщики (адуучины) — Хуту, Моричи и Мулхалху. Первые следили за мериными, что подтверждает и содержание § 131 [Козин 1941: 112], где о Бельгутае говорится, что он отвечал за меринов (*aqta bariju* [Rachewiltz 1972: 55]). Рашид-ад-дин уточняет: «В пору ссоры Бэлгутаинойон следил за порядком у коновязи» [Рашид-ад-дин 1952б: 56]⁴. Но одновременно в его обязанности входили и придворные функции: отмечается, что он «от нас на этом пиру был распорядителем» [Козин 1941: 112]. Табунщики отвечали за

сохранность табунов и обеспечение двора пищей: кумысом, мясом.

Как видим, наряду с понятием «дружина» появляются и представления о дворе как новой форме социальной организации в монгольской среде. Отмечается постоянное присутствие при хане его нукеров: в период войны и мирное время. Появляются новые обязанности и должности, на которые назначаются отдельные служилые люди, то есть социальные отношения формализуются и закрепляются придворными чинами: воинские функции совмещаются с престижными функциями обслуживания хана при его дворе и вокруг него. Все это свидетельствует о формировании комплексного ханского хозяйства. Его центром была «дворцовая» юрта — и как резиденция хана, и как центр, вокруг которого начинает складываться «двор», находившийся в ведении Додай-черби. И хотя еще не упоминаются специальные социальные термины (кешиктен, турхауты, кебтеулы), позднее обозначающие охрану хана, таковая уже начала формироваться (например, хорчины).

Следует сказать, что между первой и второй интронизациями, сопровождаемыми одновременно назначениями и наделением чинами, в «Сокровенном сказании» содержится еще одно описание организационных мероприятий, связанных с подготовкой к войне с найманами в 1204 г. Тогда «произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Суюкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов — ночной охраны, и 70 человек турхаудов — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния. Затем была отобрана тысяча богатейшей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: “Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам”. ...Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ» [Козин 1941: 144].

Начало § 192 (монг. “qorcin turqa’ut kesikten bawurci e’ütenci aqtaci üdür kesik oroju” [Rachewiltz 1972: 100]), где перечисляются должности, И. де Рахевилц перевел так: “the quiverbearers, the dayguards, the steward, the doorkeepers and the grooms are to go on roster duty in daytime” [Rachewiltz 2004: 114], то есть колчаносцы, дневная стража, кравчие, привратники и конюшие несут охранную службу днем. Причем автор в переводе не передал никак монгольского слова *кешиктен*, которое С.А. Козин выделил как отдельный чин.

Мне представляется, что в данном тексте этим словом выделяются хорчины и турхауты, которые имели общее обозначение — *кешиктен*. Но в § 191, как мы видим, слово *кешиктен* встречается дважды. Сначала оно упоминается, когда Чингис-хан выделил 80 кебтеулов и 70 турхаутов (последние под командованием Оголе-черби совместно с Худус-Халчаном), то есть ночную и дневную стражу. Затем этот же термин относится к тысяче, состоящей из избранных богатырей под командованием Архай-Хасара, которая в битвах должна находиться рядом с Чингис-ханом, а в остальные дни — «пусть будет моей личной дневной стражей» (“olon üdür turqaq kesikten minu boltuqai”) [Rachewiltz 1972: 100]. Раздельное упоминание двух разных групп, несущих дневную службу, позволяет предположить, что Оголе-черби не входил в тысячу Архай-Хасара, а возглавлял самостоятельное подразделение. Можно с уверенностью говорить о том, что уже к 1204 г. была сформирована личная гвардия Чингис-хана — кешиктен, в которой выделялась ночная (кебтеул) и дневная (турхаут) стража, причем последняя дополня-

лась еще одной тысячей. Вероятно, имеет значение то, что шестеро, среди которых был и Огеле-черби, именуется специальным титулом «черби».

Возможно, значение титула *черби* станет понятным из сравнения этого текста с предыдущим, если мы вспомним, что в 1189 г. у Чингис-хана было тринадцать куреней, которые в тексте «Сокровенного сказания» не были перечислены полностью. Известные, то есть упомянутые в источнике, курени возглавлялись представителями клановой аристократии. Возможно, подобная структура сохранялась и в 1204 г., а для ведения военных действий была необходима профессиональная координация, ответственность за которую была возложена на черби — высшие военные чины при ставке, возглавлявших по два куреня каждый. Двенадцать куреней могли составлять два крыла, а тринадцатый курень (тысяча Архай-Хасара) — это центр. Тогда это могло быть наивысшим военным званием, и одновременно они могли носить придворные чины, как, например, Огеле-черби и Дохолху-черби еще при первом распределении должностей было поручено носить колчан, то есть они были хорчинами (колчаноносцами), Суйкету-черби — баурчином (кравчим), а Додай-черби отвечал непосредственно за хозяйство двора. Одновременно, как мы видели, Огеле-черби возглавлял 70 турхаутов.

На высокий военный статус черби, имевших право принимать самостоятельные решения, указывает следующий запрет Чингис-хана, фиксируемый 1206 г. и выводящий из сферы их влияния личную ночную гвардию: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таком нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление» [Козин 1941: 173]. Содержание этого текста эксплицитно указывает на верховные военные функции черби: они называются «ведающие воинами черби» (*cerik medegü cerbin* [Rachewiltz 1972: 134]). В некоторой степени подтверждает это и материал о Бала-черби, фигурировавшем под № 49 в списке нойонов-темников 1206 г. [Козин 1941: 158], о котором в «Сборнике летописей» сообщается: «Во время Чингиз-хана из всех эмиров-тысячников правого крыла войска, которые были

в свите [Чингиза], был Бала-нойон» [Рашид-ад-дин 1952а: 97]. Здесь подчеркивается, что чжалаирский Бала-черби (Архай-Хасар был его старшим братом), воевавший в Индии, был из свиты. Похоже, что звание черби было неизменным — имена его носителей встречаются и в 1189, и в 1204, и в 1206 гг., тогда как придворный чин мог меняться⁵.

Таким образом, уже к 1204 г. можно говорить о маркерах военных функций: черби, кешиктен, турхаут, кебтеул, колчаноносцы (хорчи), нойон-тысячник или сотник (minqad-un ja'ud-un noyad), нукеры (nököd). Важное место в социальной структуре занимает и наделение приближенных сторонников придворными титулами: кравчие (баурчи), конюшие (актачи), привратники (уудэнчи), стремянные (боточин), табунщики (адуучин).

Можно говорить о том, что деятельность Чингис-хана по устройству Монгольского улуса в 1206 г., на которую ссылаются исследователи, стала завершающим этапом. После назначения девяноста пяти нойонов-тысячников, Чингис-хан особо отмечает статусы некоторых из них, оказавших ему наибольшую поддержку в процессе завоевания. Он поручил Шиги-Хутуху (пятый сын — приемный — Оэлун-эхэ) судейство; подтвердил высокий статус Мунлика-эчигэ (мужа Оэлун), обозначив ему самое высокое место («буду сажать тебя на самом высоком месте» [Козин 1941: 160]); нукеру Боорчу, который вместе с Мухали привел Чингис-хана к власти, также усадил на самое высокое место («Сиди же ныне выше всех» [Там же: 161]). Позже Чингис-хан повторяет свое распоряжение с дополнением: «Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса — Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяя, Центральной тьмою» [Там же: 168].

Чингис-хан постоянно оценивает военную службу своих нукеров:

«И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая и Чжельме да Чжебе с Субеетаем, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими уруутами и Мангутами, — Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?» [Там же: 163].

Следует отметить, что ниже Чингис-хан специально отмечает заслуги упомянутого здесь Чжелме, росшего вместе с ним: «Вступив в дружину мою вот с таких пор, Чжелме, Рабом при пороге, / Моим вратарем ты служил. ... За девять проступков взысканья / Минуют тебя, мой Чжелме!» [Там же: 164] (*монг.* “*tere nököcekse'er bosoqa-yin bo'ol e'üden-ü emcü*” [Rachewiltz 1972: 121]). Этот текст совершенно точно обозначает функции Чжелме: с одной стороны, он воин — нукер Чингис-хана⁶, а с другой — «раб порога, слуга двери», что можно понимать как придворный чин «привратник» [Крадин, Скрынникова 2006: 227–230]. Если здесь функции даны описательно, то еще раньше, в 1204 г., мы обнаруживаем его как чин — *e'ütenci* [Rachewiltz 1972: 100].

В серии всех этих назначений отмечается Тулун, который за участие в собирании улуса (*ulus qurıyaldun* [Ibid.: 121]) получил тогда же титул *черби* и который был сыном хонхотанского Мунлика (Мунлик-отец — муж Оэлун — матери Чингис-хана). Но, как было показано выше, этот титул был закреплен за ним раньше, уже в 1204 г. он упоминается в числе шести черби. Теперь же, в 1206 г., уточняются его конкретные обязанности — наделение всех пищей и вином. В данном назначении Тулуна, который также был в числе девяти нойонов-тысячников, сопровождают баурчи, функции которых называет и Чингис-хан, присваивая этот придворный чин Онгуру и Бороулу:

«§ 213. ... Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чиншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. ... разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником. ... Когда вы, двое моих кравчих (*bawurçi*) Онгур и Бороул, так раздаете яства направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками» (точнее: «Пусть Толун сидит с вами в центре». — *Т.С.*) [Козин 1941: 165].

В данном случае черби статусно выше: он сидит в центре, тогда как баурчи — по обеим сторонам. При этом нельзя забывать, что основной обязанностью баурчи, как и других

нукеров Чингис-хана, была военная функция, причем командная, они могли быть нойонами-тысячниками или командирами сотен⁷. Можно отметить еще один нюанс: состоявшие в свите Чингис-хана и проживавшие при его дворе нойоны-тысячники имели и свою личную сотню. Последними в распределении тысяч 1206 г. называются братья Дегай и Кучугур из племени бесуд, получившие подтверждение титулов и должностей 1189 г. [Там же: 168].

Представляется интересным тот факт, что большая часть лиц, получивших в 1206 г. от Чингис-хана титулы нойон-тысячник (*монг.* *minqad-un noyat* [Rachewiltz 1972: 114]), участвовала в первой интронизации. Двадцать восемь из них упоминаются среди пришедших при первой интронизации Чингис-хана:

«Осмотрелись и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский *Хадаан*-Далдурхан (№ 63) с братьями, всего пять Турхудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур (№ 13) со своими Чиншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — *Хубилай*-Худус (№ 8) с братьями. Из племени Манхунд — братья Чжетаг (№ 22) и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу (№ 2), младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме (№ 9), младший его брат, Чаурхан-Субээтай-Баатур (№ 51). Из племени Бесуд пришли братья Дегай (№ 11) и Кучугур (№ 33). Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно *Чильгутай-Таки* (№ 23 Тахай?) со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюйкету-черби (№ 30). Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец *Цахаан-Ува* (№ 24). Из племени Олхонут — *Кингиядай* (№ 80). Из племени Горлос — *Сечуур* (№ 77 — Сечавур). Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес (№ 87–89 на три тысячи ихиресов) — *Буту*, который состоял здесь в зятях (№ 89 [Rachewiltz 2004: 765]). Из племени Ноякин — *Чжунсо* (№ 32). Из племени Оронар — *Харачар* (№ 28) со своими сыновьями (№ 35 — Оронартай?). Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун (№ 7) и Коко-Цос (№ 29) со своими Менен-Бааринцами. ... Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев — Хунан (№ 7)

и прочие, одним же куренем — Даридай-отчигин, один курень Унчжин-Сахайтов. ... и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем — Хучар-беки, сын Некун-Тайчжия; одним куренем — Алтан-отчигин, сын Хутала-хана» [Там же: 107–108].

Таким образом, можно говорить о продолжении политики поощрения тех нукеров, которые оказали Чингис-хану услуги в собирании Монгольского улуса.

Важной частью перестройки Монгольского улуса явилась реорганизация гвардии — кешиктен турхах (mong. *Kesikten turqaq* [Rachewiltz 1972: 128], состоящая из трех частей: хэбтэулы, хорчины и турхауты (монг. *kebte'ül, qorcin, turqa'ut* [Rachewiltz 1972: 114]). Чингис-хан говорил о них: «Тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч» [Козин 1941: 173]. Состоявшие прежде из малого числа воинов (80 дневной и 70 ночной стражи), эти подразделения пополнялись представителями элиты [Там же: 168]. В результате такой реорганизации гвардия-кешиктен стала насчитывать тьму — 10 тыс. человек, из которых большую часть (8 тыс.) составляли турхауты, разделенные на тысячи, и по тысяче воинов было в составе хорчинов и кебтеулов.

Общим для всех трех групп гвардии является то, что в отношении них было личное указание Чингис-хана: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком» (монг. *yeke qol* [Rachewiltz 1972: 130]) [Козин 1941: 170]. Точнее: «Великим центром». Это соотносится и с позицией кешиктен в мирное время, призванной охранять Чингис-хана. Отборная тысяча Архай-Хасара («*arqai-yin ba'atut*» [Rachewiltz 1972: 135]) располагалась перед дворцовой юртой. Справа от нее несли службу тысяча хорчинов под командованием Есун-Тее и Букидая и три тысячи турхаутов во главе с Алчидаем, Оголе (здесь Оголе упоминается без титула *черби*) и Ахутаем. Остальные четыре тысячи турхаутов, возглавляемые Буха, Додай-черби, Дохолху-черби и Чанаем, должны были находиться слева от дворца. «Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него» [174] (mong. *Kebte'ül ordo*

ger terge asara'at ordo-yin dergede jewün ete'et yabutuqai [Ibid.: 135]). Последнее предложение позволяет предположить, что «дворец» представлял собой юрту на телеге.

Из всех командующих тысячами гвардии выделяется Додай-черби, главной обязанностью которого было ведение ханского господского хозяйства, в которое входили службы, находившиеся в дворцовой юрте и за ее пределами: стада, табуны [Козин 1941: 174]. Кроме того, в функции Додай-черби, названного в числе одного из четырех командующих турхаутами левой стороны, кроме заведывания хозяйственными делами, входило еще и управление всеми турхаутами (дневной стражей). Это назначение противоречит прежнему восхвалению Чингис-ханом своих турхаутов, когда он называет «великими турхаутами» те семьдесят, которые служили ему под командованием Оголе-черби, и баторов Архая, которых он называл «старыми богатырями» (*монг.* «ötögüs ba'atut» [Rachewiltz 1972: 133]).

Чингис-хан настаивает на исключительном положении кешиктен в социальной структуре: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной (*kesiktü-yin kötöcin* [Ibid.: 131]) моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников» [Козин 1941: 170]. Исключительное место среди десяти тысяч гвардии (кешиктен) принадлежало тысяче кебтеулов — ночной страже. Интересно, что называется только ее главнокомандующий — Еке-Неурин, какое-либо деление тысячи кебтеулов не упоминается.

На незавершенность социальной реорганизации Монгольского улуса указывает то, что сохранялась неопределенность распределения властных полномочий. С одной стороны, как уже говорилось, дворцовыми службами ведал Додай-черби. С другой стороны, определяя обязанности кебтеулов, Чингис-хан сказал: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы (*ᠰerbin ökit* — И. де Рахевилц называет их женщинами-дежурными — *female attendants* [Rachewiltz 2004: 160]. — *Т.С.*) и девушки, домочадцы, верблюжки пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины» [Козин

1941: 173]. Как видим, эти обязанности кебтеулов практически аналогичны таковым Додай-черби.

На дублирование кебтеулами функций, которыми наделялись особо приближенные нукеры, следует обратить особое внимание. У всех кебтеулов был высочайший статус: «Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам» [Там же: 171], хотя, как уже упоминалось, выше всех сидели и Мунлик-эчиге, и Боорчу. Именно с кебтеулов начинается раздача питья и еды [Там же: 173] в коллективных трапезах — пирах. Исключительное положение кебтеулов определяется выполнением ими сакральных функций: они охраняют «золотую жизнь» Чингис-хана (*монг.* *altan amin minu* [Rachewiltz 1972: 135]), наблюдая за его столом, сопровождая его «на соколиную охоту или звериную облаву» [Козин 1941: 173]. Кебтеулы также хранят сакральные инсигнии власти: знамена, барабаны, копыя (о них см.: [Скрынникова 1997: 113–117]), «имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках» [Козин 1941: 173], «двое из кебтеулов состоят при Великой виннице» [Там же], что было прерогативой Толун-черби и баурчи Онгура и Борохула.

Кебтеулами дублировались и каждодневные обязанности, контроль за которыми был поручен Чингис-ханом кому-либо из своих нукеров:

«На попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. ...Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. ...Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул (*kebte'ül-ün e'üdecin* [Rachewiltz 1972: 134]), около самой юрты. ...От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты (*ordo ger*). ...Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху⁸. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцирей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани» [Козин 1941: 173].

Это детальное расписание обязанностей самого элитного воинского подразделения Чингис-хана, пожалуй, самое по-

казательное. Оно демонстрирует характер всех служб, предписываемых к обязательному исполнению, — соотносимость их с обслуживанием личности Чингис-хана и его хозяйства и коллективного хозяйства ханской ставки, к которой относились не только его домочадцы, но и приближенные нукеры-военачальники и кешиктены. И в этом контексте можно принять к сведению сообщение источника о приоритете кебтеулов в управлении ставкой, или, иначе говоря, двора Чингис-хана, хотя практически невозможно, исходя из имеющихся материалов, разграничить придворные функции кебтеулов и тех нукеров, которые получили рассмотренные выше придворные чины.

Перечисление должностей и обязанностей указывает на существование развитого комплексного хозяйства при дворе Чингис-хана, что диктовалось, как мы видели, постоянным проживанием здесь же тьмы кешиктенов. Безусловно, каждая коллективная трапеза превращалась в пир, выполнявший социальную и сакральную функции, когда моделировалось новое социальное пространство. Коллективная трапеза выступала одной из форм престижного материального вознаграждения за службу Чингис-хану.

На неопределенность функций учрежденных должностей и чинов указывает, на мой взгляд, отсутствие в сохранившихся частях «Ясы» каких-либо статей, распределявших обязанности между ними и подтверждавших их статус. Мы видели, что все придворные чины присваивались только членам кешиктена. Но в «Ясе» мы встречаем лишь пункты, связанные с исполнением кешиктером охранных и военных функций.

И еще одним важным фактом является то, что центральная власть, в данном случае Чингис-хан, не выделяет средств на содержание этой структуры. Даже ее элита — кешиктен — должна формироваться за счет собственных средств: когда Чингис-хан перечислял тех, кто может вступить в гвардию, предписывалось, что они должны являться при своих конях и вооружении [Козин 1941: 168]. Можно предположить, что эти придворные чины, маркировавшие должности в ставке хана, не были наследственными. «Тамурдар-нойон, — оруженосец [курчи] Чингиз-хана; ...Имекчин и Бугудай-конюший [актачи] — из детей и родственников Тамудар-

нойона» [Рашид-ад-дин 1952а: 101], то есть потомок хорчина имел чин актачи. Фактов передачи чина кому-либо из потомков обнаружить не удалось. Вероятно, в XIII в. придворные чины давались за личное служение.

Нукеры, которым присваивали эти чины, выполняли наряду с основной военной функцией различные служебные обязанности при дворе (*ordo ger* [Rachewiltz 1972: 133]) Чингис-хана. Вероятнее всего, обозначаемые этими придворными чинами должности обуславливались необходимостью регулировать порядок проведения коллективных трапез (пиров), если вспомнить немногочисленные упоминания о выполнении конкретными нукерами обязанностей, свойственных определенному чину (Толун-черби и баурчи Онгур и Борогул, баурчи Шикиул, актачи Белгутай), и порядок в ханской ставке (хорчины, турхауты, кебтеулы). То, что даже хорчины (чин, присваиваемый одной из элитных групп гвардии), так же как баурчины, занимаются раздачей питья и кушаний [Козин 1941: 173], подтверждает придворный характер их службы, во-первых. Во-вторых, свидетельствует об отсутствии четкой иерархии. Практически невозможно выявить статусные различия рассмотренных в статье придворных чинов: с одной стороны, лица, отмеченные одним и тем же чином, выполняют разные обязанности, с другой — одинаковые обязанности приписываются разным чинам⁹. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о том, что упоминаемые в источниках титулы или должности можно рассматривать как обозначение придворных чинов, но не чиновников, за которыми закреплены определенные функции управления.

При анализе структуры властвующей элиты Монгольского улуса времени правления Чингис-хана я учитываю, на мой взгляд, справедливую мысль А.М. Хазанова о том, что «у кочевников аборигенную модель нельзя представлять как жесткий структурный каркас для фиксации малоизменяющейся реальности. Сам каркас подвижен и в соответствии со спецификой конкретной действительности приспособлен не только для статичности функционирования социальных форм, но и для их трансформаций и изменений. Не случайно сами кочевники явно осознают структурные принципы своих моделей, но в то же время нередко весьма смутно

представляют их границы и отдельные детали» [Хазанов 2008: 152].

¹ Наиболее вероятная дата этого события — 1189 г. С одной стороны, есть сведения, что оно произошло, когда Темучжину было 28 лет (27 по европейскому исчислению: 1162 + 27 = 1189 г.), с другой — состоявшееся вскоре после этого избрание Чжамухи гур-ханом датируется годом курицы — 1189 г. (подробнее см.: [Rachewiltz 2004: 457–460]).

² Так, вскоре после этой интронизации состоялась битва между войсками Чингис-хана и Чжамухи, в которой последний победил. Несмотря на поражение Чингис-хана в этой битве, к нему продолжали прибывать те, кто хотел быть его сторонником. Это были урутский Чжурчедай и мангутский Хуюлдар со своими подданными, хонхотанский Мунлик-эчигэ. «§ 130. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингис-хан, вместе с Оэлун-учжун, Хасаром, Чжуркинским Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингис-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий (у Рашид ад-дина — стольник [баурчи]. — Т.С.) стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжин-хатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: “Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?” Побитый кравчий громко заплакал, причитая: “Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?”» [Козин 1941: 112].

³ Данные союзы не могли быть прочными, примеров соперничества старшей ветви клана (беки) и младшей (отчигин) с харизматическим лидером Чингис-ханом в источниках множество. Даже внутри одной общности кияты наблюдалось стремление к перераспределению власти: если Есугэй и Чингис-хан получили ее харизматическим путем — благодаря собственным способностям они расширили границы своих владений, то Сэче-беки пытались сохранить традиционные механизмы передачи власти — к старшему потомку. Этому способствовали и традиционные генеалогии, задачей которых было вести счет родства.

⁴ Китайские иероглифы, поясняющие значение этой коновязи, переводятся как «место вне ханской ставки, где привязывают лошадей» [Рашид-ад-дин 1952б: 56], что также определяет термин *актачи* как придворный чин. Ниже дается уточнение: «На этом пире коновязью Чингиз-хана и [коновязью], принадлежащей Сэчэ-беки и их матерям, заведывал Бэлгутай-нойон, брат Чингиз-хана. Он имел на руках коней [и] стремянных Чингиз-хана» [Там же: 92].

⁵ Например, это видно по карьере Бороула: «Из числа старших эмиров этого племени во время Чингиз-хана был Борагул-нойон, кото-

рый на службу Чингиз-хана был сначала отведывателем ханской пищи [букаул] и стольником [баурчи]. Потом стал телохранителем [казикту], затем эмиром кезика, потом эмиром-темником. В дальнейшем стал уважаемым старшим эмиром правого крыла, степенью ниже Богорчинойона» [Рашид-ад-дин 1952а: 171].

⁶ «Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали своими собственными трудами» [Козин 1941: 168].

⁷ Так, например, Чингис-хан говорит, отдавая свою жену Ибаха-беки (дочь керейтского Чжаха-Гамбу) Чжурчедаю: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе — в приданное двух поваров — Ашик-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» [Козин 1941: 162]. На мой взгляд, это очень примечательный отрывок, содержание которого позволяет предположить, что баурчи прежде всего выполняли функции глав подразделений, в данном случае были командующими сотнями. Поскольку они составляли приданое жены Чингис-хана, то есть находились при дворе, то и имели придворные чины. При назначении тысячников и распределении тысяч они упоминаются как зятья: Алчи-гурген (№ 86) и Аших-гурген (№ 83).

⁸ Как наиболее показательный пример назначения на административно-судебную должность приводится упоминание обязанности Шиги-Хутуху: «Далее он вверил Шиги-Хутуху судебную власть над всеми и сказал ему: “Борись с воровством, отвращай от лжи, казни тех, кто заслуживает смерти, наказывай тех, кто заслуживает наказания. Кроме того, регистрируй решения о распределении и о судебных делах всего населения, и, записывая синими буквами, собирай их в книгу”» [Rachewiltz 2004: 135]. Но трудно считать это назначение как оформление государственного аппарата, учитывая следующие обстоятельства. Во-первых, как известно, одновременно он наделил обязанностью следить за соблюдением порядка, прикрепив их к Зорго, кебтеулов. Во-вторых, источниками позиционируются как знатоки ясы и закона (с. 398, 402) Тулуй, «который день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960: 19], и Чагатай («Всякий, кто имеет сильное желание познать ясу, билики и правила, как блюсти царство, пусть последует за Чагатаем» [Там же: 93]). В-третьих, достаточно сомнительна реальная роль Шиги-Хутуху как главного исполнителя административно-судебных функций, прежде всего он был нойоном-тысячником [Крадин, Скрынникова 2006: 416–417], а суд вершил сам хан и хурилтай. Причем система наказаний носила не столько характер выстроенного судебного расследования, сколько, как писал В.А. Рязановский, административной расправы [1931: 32].

⁹ Сотней могли ведать и баурчины, и хорчины. Так, «Ил-Тимур-баурчи, из ставки старшей жены Чингиз-хана, матери [его] четырех

сыновей, Бортэ-фуджин, он ведал сотней воинов из личной [государевой] тысячи» [Рашид-ад-дин 1952а: 101]. Или «Улдур-курчи, который был блюстителем порядка [шихнэ] в четырех больших ордах Чингис-хана и ведал одной сотней из его личной тысячи [воинов], также был из племени джалаир» [Там же: 98].

Козин С.А. 1941. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.

Крадин Н.Е., Скрынникова Т.Д. 2006. Империя Чингис-хана. М.

Рашид-ад-дин. 1952а. Сборник летописей. М.; Л. Т. 1. Кн. 1.

Рашид-ад-дин. 1952б. Сборник летописей. М.; Л. Т. 1. Кн. 2.

Рашид-ад-дин. 1960. Сборник летописей. М.; Л. Т. 2.

Рязановский В.А. 1931. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин.

Скрынникова Т.Д. 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.

Хазанов А.М. 2008. Кочевники и внешний мир. СПб.

Rachewiltz I. de. 1972. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington.

Rachewiltz I. de. 2004. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston.